

21 МАР 1980

Идолы
и поклонники

ДЕВУШКА С ОБЛОЖКИ

Это бледное, нежное лицо постоянно мелькает на страницах западных журналов. Сегодняшнему вниманию прессы к девятнадцатилетней Настасии Кински могут позавидовать даже Роми Шнайдер или Анни Жирардо, признанные самыми популярными киноактрисами года. Цветная пленка фиксирует хрупкий, полудетский облик девушки, заглядывает в светлые немигающие глаза дочери известного киноактера Клауса Кински, недавнего «вампира» в нашумевшей западногерманской ленте «Носферату».

В конце прошлого года вышел на экраны Парижа последний фильм Романа Полански «Тэсс», стоивший 50 миллионов франков. Кински сыграла в этой экранизации романа Т. Гарди «Тэсс из рода

д'Эрбервиллей» крестьянскую девушку, юную, но и душевно зрелую, способную чувствовать глубоко и сильно. Роман Полански, выбиравший себе актрису из множества претендентов, остановился на молоденькой ученице знаменитого в театральном мире Ли Страсберга. Юная актриса успела к тому времени заявить о себе, сыграв в фильме Альберто Латтуады «Каков ты?». Там она выступила в паре с Марчелло Мастоияни, оказавшись вполне достойной своего маститого партнера. Уже тогда стало очевидно, что Кинска обладает чем-то большим, нежели оригинальная внешность, — чрезвычайно редким и ценным актерским качеством: заразительностью, способностью убедить зрителя в непреложно-

сти сценического, экранного существования своей героини. «Не знаю, фиксируют ли приборы волны, идущие от этого создания, но они явно действуют на мое сердце», — пошутил Альберто Латтуада. «Это почти ирреальное существо, чарам которого подвластны и работающие на съемочной площадке, и зрители», — добавляет итальянский журнал «Эпока».

Любопытно наблюдать, как энергично, темпераментно принялась западная пресса создавать из недавней дебютантки новый секс-символ, эталонную девочку-вамп, чья внешняя беззащитность только маскирует свойства далеко не винные.

Однако девятнадцатилетняя французская кинозвезда (Кин-

ска, успевшая сменить в качестве места жительства не одну страну, сейчас поселилась на берегу Сены), несомненно, незря сегодня занимает умы. И не зря торопится сноровистая пресса найти ей место в той системе ценностей, которая давным-давно утвердилась в мире, где цели искусства почти всегда неразлучны с иными, более грубыми и прозаичными.

Кинска, девушка с экзотическим именем, фигурой манекенщицы и загадочным лицом юной сивиллы, заставила говорить о себе как об актерской индивидуальности определенного масштаба. Впрочем, как будто уже установили и характер ее дарования, и все, что можно извлечь из него, — недавно появляются в фильмах с ее участием сцены, прямо ска-

жем, непристойного содержания.

Обласканная фоторепортерами и журналистами, Настасия «откровенничает» перед читателями «Пари-матч»: «Я хотела бы прославиться, как хорошая актриса... и еще я хотела бы иметь детей». Дорисовывая простодушный облик героини киносезона, журналист употребляет весьма «потертый», но безотказный прием: оказывается, обладательница «совершенно белых апартаментов» и фотомодель знаменитого модного журнала «Вог» совсем неприятельна в одежде. «Она так же, как и вы, носит простые джинсы, черные шерстяные чулки и сабо», — объясняет корреспондент парижского еженедельника. Разумеется, молодежь не

останется равнодушной к подобному «демократизму» восходящей звезды.

Звезда Кински только засияла на киногоризонте. Однако уже сейчас что-то тревожит в судьбе новой киногероини. Может быть, та быстрота, с которой обретает формы «концепция Кински», та безапелляционность критики, с которой она заранее определила амплуу актрисы. А может быть, виной всему воспоминания о судьбах женщин, чьи имена вошли в историю кинематографа символами больших художественных компромиссов. Вспомним хотя бы трагически закончившую свою жизнь Мэрилин Монро.

Фотограф «Пари-матч» снял Настасию в костюме Тэсс. По яркому августовскому полю бе-

жит девушка, догоняя вырвавшийся из рук кружевной зонтик. Солнце позднего лета освещает светлую фигурку в романтических рюшах и складках, ветерок прижимает к груди невесомый шарф. Тонкая рука, тянущаяся к непослушной игрушке, просвечивает в луче... Образ беспечальной юности, доверчивости и счастья. Что ждет ее? Куда она бежит так самозабвенно и так целеустремленно? Этот символический кадр вызывает горькое, щемящее чувство. Слишком хорошо известно, чем кончаются в мире чистогана юные иллюзии и юное счастье...

А пока по солнечному полю, детски-отчаянно закинув голову, летит девушка.

Л. БАЖЕНОВА.

